PG 3470
.S85 N3

1867

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Suvorov, Petr Pavlovich
Narmanskiĭ

НАРМАНСКІЙ

(ПОВѢСТЬ)

изъ временъ Императрицы Екатерины Второй.

Сочиненіе Петра Суворова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1867.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ.
21 Января 1867 года.

PG3470
.S85 N3
1867

Въ типографіи В. Спиридонова.
(Б. Подъяческая, № 19).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашъ вѣкъ поэзіи убогой,
Но въ вѣкъ практическихъ идей,
Идутъ комерческой дорогой
Толпы громадныя людей.
Они бездѣльемъ называютъ
Мечты поэзіи живой,
И очерствѣлою душой
Лишь звуку золота внимаютъ.
Въ такой вѣкъ трудно, тяжело
Писать стихи, но не прошло
Для нихъ все-жъ время. Есть мгновенья,
Когда душа утомлена

Расчетомъ, цифрой—и она
Бѣжитъ и ихъ, какъ пресыщенья,
И въ глубинѣ ея встаютъ
Иныя, чудныя видѣнья
И мысль къ далекому влекутъ.
Неспоря, впрочемъ, съ мнѣньемъ вѣка,
Я предлагаю повѣсть: въ ней
Изображаю человѣка
Уже давно минувшихъ дней.
А жилъ онъ въ вѣкъ Екатерины,
Когда рождались исполины,
Ихъ слава громкая была,
Она къ потомкамъ перешла.
Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тотъ вѣкъ дѣянья
Есть очень темныя, они
Передаются, какъ преданья

Кой гдѣ еще и въ наши дни.
И вотъ одно изъ нихъ вниманье
Мое влечетъ; но жаль одно,
Его печально содержанье,
А смысла полное оно.
Шуранскій замокъ, мною взятый,
Еще стоитъ до нашихъ дней
На Камскомъ берегѣ, объятый
Красой зеленою полей.
Во кругъ развалины, курганы—
Болгаръ останки видитъ взоръ,
Да тамъ за Камой изъ тумана
Гребни выглядываютъ горъ.
Болгаръ ужъ нѣтъ, и ихъ столицу
Смѣнило руское село;
Себѣ въ исторіи страницу

Оно, конечно, ненашло.—
И мы не будемъ заниматься
Имъ въ нашей повѣсти, но въ ней
Должна невольно отражаться
Жизнь вѣка прошлаго людей,
И наши нравы. Русскій баринъ
На первомъ планѣ тутъ стоитъ,
Онъ образованнымъ глядитъ,
Но онъ разгуленъ, какъ татаринъ.
Хотя отъ западныхъ идей
Онъ много добраго присвоилъ,
Но дѣтствомъ, властію своей
Онъ въ кровь всосалъ, въ себя усвоилъ
Значенье барства; передъ нимъ
Всѣму возможная дорога,
Онъ съ сердцемъ, съ нисшими угрюмъ,

— VII —

И въ половину вѣритъ въ Бога.
Съ нимъ рядомъ женщина стоитъ,
Она, какъ римлянка глядитъ,
Стойка, умна, душой развита,
Любовью къ родинѣ она
Горитъ, но жизнь ея забита
И вышла жизнь ея блѣдна.
Такъ славный вѣкъ Екатерины
Давалъ намъ блескъ, давалъ людей,
Но очень грустныя картины,
Въ итогѣ жизни нашей всѣй.

—

Въ плоть живой нашей всей,
По осени дуновенья первыя,
Давать цвѣт сладкій, давать плодъ,
Такъ сильный духъ Евангелія
И нынѣ живъ въ сердцахъ,
Горитъ, не хочетъ он сгаснуть
Любовью къ родинѣ она
(Такъ, умъ, душой рѣзвится,
Она, какъ рыжими глядитъ,
Съ нимъ рядомъ всюдушка стоитъ,
И въ полюшкѣ вѣритъ въ Бога.

НАРМАНСКІЙ.

(ПОВѢСТЬ)

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Грибоѣдовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

На скатѣ горъ стоитъ Шуранъ,
Огромный замокъ запустѣлый,
Вблизи его большой курганъ,
И Храмъ печальный, устарѣлый.
Стоятъ двѣ башни по угламъ,
Строенья, стѣны въ разрушеньи,
Да ропотъ Камы въ отдаленьи
Все это насъ несетъ къ мечтамъ,

Къ былому Замка. Вѣтеръ дальній
Несетъ въ покои звукъ печальный,
И пыль съ прадѣдовскихъ картинъ
Стираетъ только онъ одинъ.
И дальше скучный гость проходитъ,
Но, будто, въ брошенныхъ стѣнахъ
Онъ грустно пѣснь свою заводитъ
О въ вѣчность канувшихъ годахъ.

II.

Но кто-же въ за́мкѣ этомъ жилъ,
И отчего онъ такъ пустыненъ?
Увы, его владѣлецъ былъ
Въ великій вѣкъ Екатеринен
Богатъ, красивъ и знаменитъ—
Какъ-то преданіе гласитъ.

Помѣщикъ Нàрманскій въ наслѣдство
Отъ дѣда зàмокъ получилъ
Еще во время малолѣтства,
Потомъ онъ въ гвардіи служилъ,
И получивши бригадира,
Въ отставку вышелъ безъ мундира,
Въ Шуранъ пріѣхалъ, и на страхъ
Своимъ сосѣдямъ поселился:
Онъ бурно жилъ и веселился,
Какъ русскій баринъ въ тѣхъ годахъ.
Была устроена отлично
Его усадьба, псарня, дворъ,
И могъ покоится прилично
На всемъ его боярскій взоръ.
Но..... жизнь ему разъ измѣнила,
Онъ зáмокъ кинулъ на всегда;

И гдѣ теперь его могила,
Какъ кончилъ онъ свои года?—
Никто незнаетъ, но преданье
Одно осталося о немъ,
И я хочу облечь стихомъ
Его правдивое сказанье.

III.

И такъ, почтенный мой читатель,
Вернемся къ доброй старинѣ;
Хоть вы ее не почитатель,
И не поклонникъ я вполнѣ,
Но чтобы знать, какъ развивалась,
И какъ слагалась наша жизнь
Необходимо, чтобъ являлось
Намъ наше прошлое: цинизмъ,

Разгульность нравовъ нашихъ дѣдовъ,
Ихъ дикихъ прихотей размахъ,
Величье княжескихъ обѣдовъ,
Скандалы въ полночь на пирахъ,—
Все это нынѣ непонятно,
Все скрылось въ вѣчность на всегда,
И лишь исторія намъ внятно
Рисуетъ прошлые года.
Да гдѣ нибудь въ глуши Россіи,
Въ забытыхъ, темныхъ уголкахъ
Читаютъ юноши-витіи,
Держа исторію въ рукахъ.
И дни временъ Екатерины,
Ея воинственной дружины
Предъ ними живо востаютъ
И думу къ творчеству зовутъ.

Польются сладостныя звуки,
И передъ нами прошлыхъ дней
Дѣянья явятъ: жертвы муки,
Разгулъ, смятенія страстей.

IV.

Герой нашъ Нàрманскій воспитанъ
Былъ въ духѣ времени того,
Онъ былъ идеями пропитанъ
Вольтера, Юма и Тюрго.
Такая смѣсь различныхъ мнѣній,
Могла явить, конечно, въ немъ
Разладъ душевныхъ убѣжденій,
Вражду влеченія съ умомъ.
Вдобавокъ право крѣпостное
Убило чувство въ немъ святое

Смотрѣть съ сочувствіемъ на тѣхъ,
Кто въ нашемъ мірѣ ниже всѣхъ.
Увы, подобная холодность
И въ нашъ вѣкъ тоже новомодность:
И часто многіе изъ насъ,
Оправѣ нисшихъ, споривъ славно,
Идутъ домой и бьютъ исправно
Лакею зубы въ добрый часъ.

V.

Но прочь суровыя воззрѣнья,
Пора о томъ намъ говорить,
Какъ Нàрманскій въ своемъ имѣньи
Изволилъ царствовать и жить.
И такъ, среди палатъ огромныхъ
Онъ жилъ одинъ съ своей сестрой,

Одной изъ тѣхъ созданій скромныхъ,
Которой жизни нѣтъ иной,
Какъ только съ горничной браниться,
Вязать чулки, молчать, молиться
И быть довольною судьбой.

VI.

Чтожъ-долженъ князь въ деревнѣ дѣлать,
Чѣмъ утро раннее начать?
Иль ничего совсѣмъ не дѣлать,
Или безсмысленно болтать?
Увы, въ нашъ вѣкъ, во славу Бога,
Заботъ помѣщику есть много,
Но нашихъ прадѣдовъ, ахъ-нѣтъ,
Ихъ не хозяйство занимало,
Ихъ занималъ большой обѣдъ,

Ихъ утро раннее встрѣчало
Въ лѣсу, поляхъ и на рѣкѣ,
Среди псарей и слугъ покорныхъ,
Среди коней и псовъ задорныхъ,
Съ ружьемъ, нагайкою въ рукѣ.

VII.

И вотъ, князь На́рманскій такую
Въ Шуранѣ точно жизнь нашелъ,
И за собой толпу пустую
Еще помѣщиковъ повелъ.
Онъ былъ кругомъ всѣхъ ихъ умнѣе,
Ловчей, богаче и смѣлѣе,
И скоро имени его
Боятся стали одного.
И часто ночью при лунѣ,

Когда ужъ все уснетъ земное,
И лишь волна, незнавъ покоя,
О берегъ бьется въ смутномъ снѣ—
На берега рѣки великой,
Среди ватаги пьяной, дикой
Ему услужливыхъ дворянъ,
Изъ замка Нáрманскій выходитъ,
Окинетъ взглядомъ онъ Шуранъ
И рѣчь дворецкому заводитъ:
«Велѣть намъ лодки подавать,
Чтобъ музыканты въ лодки сѣли,
И съ ними дѣвокъ насажать,
И чтобы пѣсни они пѣли.
И исполняется все въ мигъ,
И позднимъ гамомъ пробужденный,
Встаетъ, крестясь рыбакъ старикъ,

А надъ рѣкою полусонной,
Къ нему несутся шумъ и крикъ.

VIII.

Вотъ назначаетъ князь охоту.
Бывало въ юности своей,
Незная грустную заботу,
Любилъ, любилъ и я охоту;
Любилъ обширность я полей,
Любилъ я рыскать утромъ рано
Въ лѣсу, по доламъ и горамъ,
И предаваться безъ обмана
Своимъ восторженнымъ мечтамъ.
Въ тѣ дни я искренно и съ вѣрой
На жизнь и будущность смотрѣлъ,
И, глупый, я тогда не смѣлъ

*

Назвать мечты свои химерой.
Но все исчезло, и кладетъ
И на уста мои ужъ опытъ
Суровой доли горькій ропотъ,
И мнѣ толчекъ иной даетъ.

IX.

Все въ замкѣ рано пробудилось,
И на охоту ѣдетъ князь,
А небо тучами покрылось,
Шелъ мелкій дождь, по всюду грязь.
Былъ августъ мѣсяцъ въ половинѣ,
Стоялъ такой онъ, какъ и нынѣ,
Дождливый пасмурный, но князь
Любилъ, какъ прихоть, дождь и грязь.
Вотъ онъ изъ замка выѣзжаетъ,

За нимъ толпа дворянъ и слугъ,
Крикъ, лай невольно поражаетъ
Вашъ непривыкшій къ шуму слухъ.
Собаки гончія, борзыя
На сворахъ прыгаютъ; псари,
Все это парни молодые,
Сидятъ верхомъ, въ рукахъ бичи.
А сзади всѣхъ ихъ потихоньку
Изъ замка выѣхалъ обозъ,
То кулебяки цѣлый возъ
Повезъ дворецкій полегоньку.
За тѣмъ индѣйка, сыръ, икра,
Балыкъ, телятина и много
Изъ замка тронулось въ дорогу
Вина и прочаго добра.

X.

Ватага къ лѣсу подъѣзжаетъ,
Рога трубятъ, и каждый псарь
Близь лѣса мѣсто занимаетъ,
А князь, какъ-будто, какой царь,
Все гордо вкругъ обозрѣваетъ.
Вотъ раздается дальній рогъ
И подымаютъ лай собаки,
Приготовляется стрѣлокъ
Къ какой то битвѣ или дракѣ;
И даже Нàрманскій, тотъ всталъ
Верхомъ недвижимъ на равнинѣ,
И ближе лай, и по долинѣ
Мгновенно заяцъ пробѣжалъ.
Князь выстрѣлъ далъ, но не попалъ,

Коню онъ далъ съ досады шпоры,
Летитъ онъ быстро по кустамъ,
И черезъ пни, и черезъ норы,
Черезъ холмы, и по лугамъ.

XI.

И вотъ онъ въ полѣ выѣзжаетъ,
И передъ нимъ село стоитъ,
И церкви крестъ большой мелькаетъ,
И барскій домъ съ горы глядитъ.
Рукѣ послушный, терпѣливый
Остановился конь ретивый,
И смотритъ Нàрманскій: вдали
Не то въ туманѣ, иль въ пыли
Мелькнулъ ликъ женскій на балконѣ,
Его къ себѣ онъ приковалъ,

Князь онѣмѣлъ и задрожалъ,
Забывъ о заячьемъ загонѣ.
Стоитъ онъ долго недвижимъ,
Но образъ женскій скрылся скоро:
Такъ иногда по мимо взора
Мелькнетъ, какъ свѣтлый херувимъ,
Явленье жизни передъ нами,
И мы въ раздумье передъ нимъ
Стоимъ съ различными мечтами.

XII.

Задумчивъ, тихъ онъ ѣдетъ въ лѣсъ,
Не хочетъ слышать про охоту:
Такъ неожиданно зевесъ
Ниспосылаетъ намъ заботу.
И часто въ жизни мелочной

Нисходитъ къ намъ, увы, мгновенье,
И обыденной жизни строй
Приводитъ вдругъ въ разъединенье.
Толпа безсмысленныхъ гостей
Шумитъ вкругъ князя, ѣстъ, смѣется,
Но онъ все хмурится сильнѣй,
И вотъ его крикъ раздается:
—Дворецкій-Левка! Ей, сюда!
Примолкли слуги, господа,
И передъ очи господина
Явился доблестный дѣтина
Широкоплечій и рябой,
Имѣлъ онъ видъ отважный, дикій,
И только князя онъ душой
Лишь признавалъ своимъ владыкой.

XIII.

И Нàрманскій ему сказалъ:
—Отвѣть, чье зá лѣсомъ имѣнье?
—Княгини Вольской, отвѣчалъ
Ему дворецкій въ то мгновенье.
—Болванъ, какъ имя ей? но бѣдный
Стоитъ дворецкій и молчитъ,
Князь закусилъ губу, глядитъ,
И наконецъ вскричалъ:—твой мѣдный,
Поганый лобъ его забылъ!
И съ этимъ словомъ онъ съ размаху
Хлыстомъ дворецкаго хватилъ.
И онъ въ ударѣ не далъ маху,
Лицо покрылося рубцомъ,
Но Левка бровію не двинулъ,

Лишь шапку на̀ брови надвинулъ,
И не подвижимъ сталъ съ конемъ.

XIV.

Домой угрюмо ѣхалъ князь,
И гости тоже всѣ молчали,
Мѣсили лошади лишь грязь,
И съ торопливостью шагали.
Ужъ вечерѣло. И вдали
Шуранскій замокъ показался,
Вечерній благовѣстъ раздался,
Туманъ поднялся отъ земли.
И вотъ они во дворъ въѣзжаютъ,
Усталыхъ конюхи коней
Скорѣй въ конюшни провожаютъ;
Ужъ въ замкѣ нѣсколько огней

Сквозь окна ярко замелькало,
А князь проходитъ въ кабинетъ,
Забывъ, что въ залѣ ожидало
Его собраніе. Но нѣтъ,
Не до гостей, знать, князю было,
И мысль одна его гнететъ,
Его манитъ къ себѣ такъ мило,
Ему покоя недаетъ.

XV.

И странно князь ужъ не былъ молодъ,
Но въ незнакомку онъ влюбленъ,
Такъ въ наше время только холодъ
Бываетъ рано намъ знакомъ.
А наши прадѣды и дѣды,
Любивши вкусные обѣды,

Частенько въ семьдесятъ годовъ
Молодцовато волочились,
И въ добавленіе женились
На поученіе вѣковъ.
И крѣпко На́рманскій влюбился,
Но изъ такихъ онъ былъ людей,
Что ни предъ чѣмъ нестановился,
Для исполненія затѣй.
И потому, онъ что-то думалъ,
Но что же ночью, среди тьмы
Онъ для любви своей придумалъ? —
Увидимъ далѣе все мы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Во дни давно протекшихъ лѣтъ
Я увлекался новизною,
И превлекалъ меня предметъ
Своею внѣшней красотою.
Теперь изъ этихъ чувствъ вомнѣ
Одно осталося стремленье:
Когда я барское селенье,
Иль домикъ вижу въ сторонѣ,
Въ умѣ невольно возникаетъ
Мысль беззочетная о томъ,

Кто этотъ домикъ населяетъ,
И какъ-то имъ живется въ немъ?
Быть можетъ, дряхлый, одинокій
Старикъ кончаетъ свои дни,
Или съ красоткой черноокой
Мужъ дѣлитъ сладости любви?
Иль, можетъ-быть, вдова старушка
Со взрослой дочерью живетъ,
Какъ розанъ, дочь её цвѣтетъ,
И ждетъ прекрасная вострушка
Любви отъ жизни, счастья, нѣгъ,
Но къ нимъ никто не пріѣзжаетъ,
Лишь вѣтеръ въ полѣ завываетъ,
И узкій путь заноситъ снѣгъ.

II.

Но вотъ предъ нашими глазами
Село иное востаетъ,
И окруженное садами
Привольной жизнію живетъ.
Вотъ длинный рядъ его домишекъ,
Толпы запачканныхъ мальчишекъ,
И Божій храмъ среди села,
И барскій домъ; къ нему вела
Аллея длинная. Старинный
Вдали съ балкономъ домъ стоялъ,
За нимъ садъ старый и пустынный
Пространство въ гору занималъ.
Селенье то принадлежало
Княгинѣ Вольской. Но, знать, та

Въ немъ прежде рѣдко проживала,
И не была имъ занята.
Лѣтъ пять она уже вдовѣла,
И говорили, что она
Отъ жизни многаго хотѣла,
Хотя при томъ была умна.
Но всё то слухи. Со столицей
Она разсталась, и жила
Потомъ все больше за границей,
И тамъ дань вѣку отдала,
И поклонилася Вольтеру,
И Монтескьё, и Дидеро,
И Канта видѣла, и въ мѣру
Познала книжное добро.

III.

Друзья и то ужъ было много....,

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Когда же воздухомъ другимъ
Дохнула Франція въ Россію,
То все склонилось передъ нимъ:
Французa-глупаго витію
Съ великой ласкою вездѣ
Въ столицахъ русскихъ принимали,

Своихъ дѣтей ему давали—
И такъ французилися всѣ.

IV.

Я не скажу то про княгиню,
Въ ней много русскаго найдутъ,
Но я забылъ, что героиню
Евгеньей Павловной зовутъ.
Евгенья Павловна, конечно,
Любила францію, но съ тѣмъ
И Русь любила безконечно,
И говорила это всѣмъ.
Но и она, какъ дочь Россіи,
Въ дни дѣтства, въ годы развитые
Необошлась-бы, ей-же-ей,
Нигдѣ безъ горничной своей.

*

Тому виною воспитанье,
Его вліянье глубоко,
Его разрушить не легко
Въ дни даже полнаго сознанья.

V.

Собою Вольская была
Красива очень. Станъ высокій,
Лицомъ, какъ зимній снѣгъ бѣла,
А взглядъ имѣла черноокій.
Но этотъ взглядъ былъ прямъ и чистъ,
Онъ ни предъ кѣмъ не опускался;
Языкъ же былъ ея рѣчистъ,
Хоть слишкомъ смѣлымъ онъ казался.
Ну, словомъ, Вольская была
Натура сильно-развитая,

И всѣхъ она къ себѣ влекла,
Но ни кого неувлекая.
И было только тридцать лѣтъ
Въ началѣ нашего романа
Княгинѣ Вольской, но жизнь рано
Дала ей грустный свой отвѣтъ,

VI.

Её село звалось полянки,
И въ немъ теперь жила она;
Мать умерла у ней въ водянкѣ
И въ томъ селѣ погребена.
И часто Вольская съ разсвѣтомъ
Вставала осенью и лѣтомъ,
И шла къ могилѣ дорогой,
И тутъ любила быть одной.

Ей вспоминались дни былые,
Дни дѣтства, юности, она
Стоитъ печальна и блѣдна
И смотритъ въ годы прожитые.
Въ нихъ видитъ Вольская: увы,
Сперва отца, который тоже,
Хотя и жилъ вблизи Москвы,
Но жилъ, какъ Нарманскій; и Боже,
Чего онъ только не имѣлъ?
Большую дворню и обѣды,
На коихъ праздновалъ побѣды
Свои и русскихъ войскъ. За тѣмъ,
Имѣлъ онъ домъ въ саду отдѣльный,
Гдѣ былъ устроенъ имъ гаремъ,
Гдѣ проводилъ онъ вѣкъ бездѣльный. ...
. . . . . .
. . . . . .

Евгенья помнила потомъ,
Что въ Петербургъ её возили,
Въ то время тамъ всѣ въ страхѣ были,
По всюду слышался лишь стонъ,
И самовластенъ былъ Биронъ.
Но вотъ во дни Елисаветы
Евгенью взяли ко двору,
И уже новые предметы
Ей представлялись въ ту пору.
Она съ любовью погналася
За новой жизнью; дни текли,
И вотъ предъ Вольскою вдали
Иная жизнь опять неслася.
Но жизнь та грустная была:
Такъ, не любя, на ней женился
Князь Вольской; съ нимъ она жила,

Пока съ пути онъ самъ не сбился.
Когда-жъ увидѣла она,
Что мужъ развратенъ, жить нѣтъ мочи,
То мужа бросила жена
И ужъ на все закрыла очи.
И вотъ, свободная вполнѣ
Она Германью навѣстила,
И безъ любви, но въ тишинѣ
Въ себѣ такъ многое развила.
Жилось ей легче; но развилъ
Въ ней силу воли горькій опытъ,
И на устахъ безплодный ропытъ
На жизнь—на вѣки заглушилъ.
Она науку полюбила,
И предалася ей душой,
И взоръ невольно устремила

На дальній Сѣверъ, въ край родной.
Въ ней съ полнымъ сладостнымъ со-
знаньемъ
Проснулась къ родинѣ любовь,
И вотъ, съ глубокимъ состраданьемъ
Она въ нее въѣзжала вновь.
И поклялась за то душою
Служить ей мыслью дорогою,
Но слишкомъ пылкій тотъ порывъ
Невстрѣтилъ радостный призывъ
Въ Екатеринѣ; и Евгенья,
Чтобъ успокоится, должна
Уѣхать въ дальнее имѣнье
И въ немъ хозяйничать одна.

VII.

И вотъ, хоть скромно, осторожно
Ее въ глуши жизнь потекла,
Екатерина всё—жъ тревожна
И къ ней внимательна была.
Она къ ней ласково писала,
И хоть Евгенія тогда
Ей очень быстро отвѣчала,
Но крѣпко помнила всегда:
Умовъ во франціи броженье
Ужъ поднималось.....

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Въ такое смутное волненье
Умовъ великихъ и идей,
И въ правду, лучше въ отдаленьи
Глядѣть на роскоши полей,
И наслаждаяся природой,
Своею мнимою свободой,
Все остальное забывать,
И никому ни отвѣчать.
И наша добрая Евгенья
Нашла въ деревнѣ развлеченья:
Она большой имѣла даръ
Писать; и длинный мемуаръ
О прошлой жизни написала,

И любопытенъ вышелъ онъ,
Чѣмъ вѣкъ былъ важенъ, чѣмъ уменъ?—
Она въ немъ ясно объясняла.
За то къ сосѣдямъ никогда
Она не ѣздила, и этимъ
Была причиной многихъ сплетенъ.
Гуляла въ полѣ иногда,
У поселянъ больныхъ бывала,
Имъ словомъ, дѣломъ, помогала—
И такъ всѣ дни свои вела.
Но разъ она въ саду была,
Съ балкона дома любовалась,
Какъ солнце въ тучу опускалось,—
Вдругъ дальній звукъ роговъ глухихъ
Раздался быстро изъ за лѣсу,
И, знать, угодно такъ Зевесу,

Одинъ князь Нáрманскій верхомъ
Изъ лѣса выѣхалъ.—Что было,
То я сказалъ уже о томъ,
Но встрѣча та княгиню злила.
Про князя слышала она,
И не могла душой прекрасной
Не презирать души ужасной,
Которой жизнь была темна.

VIII.

Съ тѣхъ поръ, какъ Нарманскій увидѣлъ
Княгиню Вольскую, то вмигъ
Онъ жизнь свою возненавидѣлъ,
И сталъ капризенъ, какъ старикъ.
Онъ бросилъ все; пиры, охота
Забыты имъ; одна забота

Княгиню видѣть; мысль о ней
При свѣтѣ дня, во тьмѣ ночей
Хранить лелѣять—князю было
Такъ упоительно: и онъ
Въ Шуранѣ жилъ одинъ уныло,
Все находилъ пустымъ кругомъ.
Онъ много слышалъ о княгинѣ,
И прежній блескъ её и умъ,
Который свѣтелъ былъ и нынѣ,
Все было темой его думъ.
Себя считалъ онъ ей за пару,
Онъ былъ уменъ, и не безъ дару,
Кой-что читалъ. И такъ онъ зналъ,
Онъ уважалъ, онъ понималъ
Цѣну прекраснаго, и все-же
Онъ жизнь свою такъ сколотилъ,

Что на пирахъ, или на ложе
Всегда, вездѣ онъ деспотъ былъ.
Но вотъ вдругъ встрѣтилось созданье
Ему случайно на пути,
Онъ полюбилъ, въ своей груди
Онъ въ первый разъ позналъ страданье.
Съ визитомъ ѣздилъ къ Вольской онъ,
Но та, больной ему сказалась,
И какъ онъ былъ въ тотъ мигъ взбѣшенъ,
Когда та мысль, которой онъ
Служилъ—навѣкъ уничтожалась!

IX.

И вотъ Октябрь стоялъ. Была
Ночь очень темная, и тучи
Ходили по небу; да мгла,

Да мелкій дождь, и вѣтръ летучій
Носились въ воздухѣ. Шуранъ
Стоялъ надъ Камой одиноко,
А вкругъ его сѣдой туманъ
По берегу рѣки далеко
Распространился. Церкви крестъ
И башни Замка—все сокрылось
Въ туманномъ облакѣ; и мнилось,
Что все спало уже окрестъ.
Но въ замкѣ томъ въ одномъ окнѣ
Чуть брезжилъ свѣтъ, и въ тишинѣ
Въ великолѣпномъ кабинетѣ
Сидѣлъ князь Нарманскій. Вокругъ
Висѣли ружья, пистолеты,
Хлысты; въ лицѣ его испугъ,
Души нѣмое раздраженье,

Гнѣвъ, жолчь и нервное волненье—
Всё отражалося на немъ,
Но было тихо все кругомъ.

X.

И мыслилъ Нàрманскій. «моя
Вся жизнь была не что иное,
Какъ только собственное я,
Иль удовольствіе пустое.
Я понимаю, люди есть,
Они для общества приносятъ
Богатство, доблесть, умъ и честь,
И имена свои заносятъ
Въ исторію; не изъ такихъ,
Я былъ рожденъ. Хоть я воспитанъ,
Но барствомъ болѣе пропитанъ

Во всѣхъ потребностяхъ своихъ.
Я съ дѣтства властвовать учился,
Я власть въ себя укоренилъ,
Тѣмъ самолюбіе развилъ,
И потѣшать его стремился.
И такъ я жилъ, мнѣ сорокъ лѣтъ,
И жизнь дала мнѣ свой отвѣтъ.
Довольно; поздно-жъ исправляться,
Я не хочу себя томить,
И не хочу предъ тѣмъ склоняться,
Что можно силою склонить.
Княгиня Во́льская? Она
Аристократка отъ рожденья,
Знатна, богата и умна,
Въ ней есть святыя убѣжденья.
И чтожъ? Её я полюбилъ,

Разъ только видѣлъ—и довольно,
Я передъ ней чело склонилъ,
И отдался весь ей невольно,
Я На́рманскій!..... Но былъ, увы,
Я презрѣнъ ею; мои слезы,
Княгиня, въ грязь втоптали, Вы,
Разбивъ, какъ дымъ, благія грёзы.
Но знайте, На́рманскій нигдѣ,
Ни передъ кѣмъ непреклонялся,
И если слишкомъ заблуждался,
То цѣль преслѣдовалъ вездѣ.
Такъ кончу.» Князь махнулъ рукою,
И вотъ въ серебряный свистокъ
Онъ засвисталъ, и вмигъ замокъ
За потайничною стѣною
Отзывно щелкнулъ; и предъ нимъ

*

Явился тихъ и недвижимъ
Дворецкій Лёвка. Князь измѣрилъ
Очами быстрыми его,
И, будто, ими онъ повѣрилъ
Всю вѣрность Лёвки своего.
Но Лёвка мрачный и недвижный
Стоялъ, и знаетъ только Богъ,
Что сердцемъ чувствовать онъ могъ,
Какъ рабъ безгласный, неподвижный?

XI.

—Послушай Лёвка, князь сказалъ,
Ты преданъ мнѣ, я это знаю,
Ты мнѣ не разъ то доказалъ,
Я-жъ отъ тебя теперь желаю
Еще одну услугу—и

Я награжу труды твои.
Дворецкій низко поклонился,
Глазами быстро заморгалъ,
И въ мигъ предъ княземъ повалился,
И наконецъ ему сказалъ:
—Князь всѣ мы, всѣ мы въ вашей власти
Что Вы прикажете—то мы
Все исполнять въ тотъ мигъ должны,
Всё до малѣйшей даже части.
—Умолкни слушать нехочу,
Не нужно мнѣ твоихъ признаній,
Но въ гробъ того заколочу,
Кто неисполнитъ приказаній.
Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Нынче въ ночь,
Исполнить это мнѣ точь въ точь,

Возьми съ собой людей храбрѣе,
Въ чемъ дѣло—ихъ предупреди,
Возми съ собой коней бодрѣе,
И къ Вольской тотчасъ-же лети.
А тамъ.... Князь голосъ тутъ убавилъ
И рѣчь свою такъ продолжалъ:
—Пока день новый не насталъ,
И встать людей онъ не заставилъ,
Чтобы княгиня здѣсь была,
А тайна схватки между вами,
Чтобъ какъ въ могилѣ замерла.
Князь кончилъ этими словами,
А Лёвка слова не сказалъ,
Онъ, молча, выслушалъ рѣчь сразу,
И въ головѣ непочесалъ
Отъ нерѣшимости ни разу.

Онъ вышелъ. Князь открылъ окно,
Предъ нимъ рѣка катила волны,
Но было въ воздухѣ темно,
А онъ—печальной думы полный
Смотрѣлъ въ ту тьму; казалось, онъ
Былъ страшнымъ дѣломъ пораженъ,
Иль чувствомъ горечи убитый;
Но вотъ вдали раздался гулъ,
И лошадиныя копыты
Близъ замка. Князь свѣчу задулъ
И въ кресло быстро опустился,
Онъ глубоко за тѣмъ вздохнулъ,
И въ думѣ мрачно погрузился.

XII.

Онъ такъ провелъ всю ночь. Межъ тѣмъ,
Что въ часъ тотъ было у Евгеньи?

Окрестный воздухъ тихъ и нѣмъ,
И все спало въ ея имѣньи.
Лишь караульщика порой
Однообразный, грустный бой
Въ края доски большой, чугунной
Нарушитъ миръ ночи безлунной;
Да иногда собаки лай
Въ селѣ раздастся невзначай,
Но смолкнетъ онъ,—и вновь селенье
Въ глубокій сонъ погружено.
Лишь въ барскомъ домѣ освѣщенье
Чутъ-чуть мерцаетъ сквозь окно:
То старой нянюшки забота,
То предъ иконами кіота
Лампада спальняя горитъ
И сонъ Евгеніи хранитъ.

Она-жъ, увы, спитъ сномъ глубокимъ,
Но что ей видится во снѣ?—
Ея мечтаніямъ широкимъ
Границъ предѣловъ нѣтъ вполнѣ.

XIII.

И снится ей страна иная,
Въ ней небо ясно, воздухъ тихъ,
Стоитъ столица тамъ большая,
И много въ ней людей чужихъ.
Кой-гдѣ въ ней видны лица русскихъ,
Они въ горячности идей
Толкуютъ громко по французски
О дальней родинѣ своей,
О красотѣ ея полей,
О безъ граничности равнины,

Гдѣ рѣки горы и лѣса
Слилися въ чудныя картины,
Гдѣ вѣчно сѣры небеса,
Но гдѣ народъ съ могучей силой
Идетъ безустанно впередъ,
И пѣсней дальней и унылой
Свободу милую зоветъ.
И удивлялись чужеземцы
Сказаньямъ тѣмъ. И вотъ идутъ
На сѣверъ къ намъ французы, нѣмцы
И за собой другихъ ведутъ.....

XIV.

Такъ спитъ княгиня въ чудномъ снѣ,
А между тѣмъ, въ одномъ окнѣ
Ужъ рама вынута изъ саду,

И кто-то быстрою рукой
Ужъ потушилъ за тѣмъ лампаду.
Не слышно крику въ часъ ночной...
Проворный Левка въ садъ пробрался,
Какъ тать, съ товарищами онъ,
Тихонько къ спальнѣ подобрался
Взлѣзъ на окно—и шагъ рѣшенъ.
Княгиня крикнуть не успѣла,
Какъ ей заткнули ротъ платкомъ,
Связали руки кушакомъ,
И было сдѣлано все дѣло.
На плечи сильныя свои
Взвалилъ могучій Левка ношу
И мрачно молвилъ: укокошу
Васъ, супротивники мои.
Но ихъ, ихъ не было. У спальни

Спала лишь горничная, и
Прислуга прочая вся въ дальней
Лакейской, дѣвичьей, вдали
По барскимъ кухнямъ разбрелася.
И такъ увозка удалася....
И мертвымъ сномъ все спало вкругъ,
Хотя-бъ единый, слабый звукъ
Въ защиту жертвы увозимой
Раздался въ мертвой тишинѣ?
Нѣтъ, вѣрно рокъ неотразимый
Былъ въ этомъ страшномъ, общемъ снѣ.

XV.

И вотъ ее влекутъ по саду,
Гдѣ въ лѣта прежнія она
Еще дитей нашла отраду,

Когда ей жизнь была ясна.
Когда ей будущность сулила
Такъ много чуднаго, когда
Евгенья съ жаромъ говорила
Про предстоящіе года.
И вотъ скамейка, гдѣ въ первые,
Подъ тѣнью двухъ вѣтвистыхъ ивъ,
Любви восторженный порывъ
Произнесли уста младыя.
А тамъ..... но быстро черезъ садъ
Ее влечетъ прислуга князя,
И среди тьмы, и среди грязи
Злодѣямъ нѣтъ нигдѣ преградъ.

XVI.

Въ концѣ у княжескаго сада
Былъ прудъ и близь него ограда,
У ней дремало пять коней
И съ ними двое сторожей.
Они стояли молчаливо,
Въ нихъ вѣтеръ дулъ, ихъ дождикъ сѣкъ,
Но, знать, боярскій человѣкъ
Переносилъ все терпѣливо.
Къ нимъ Левка тихо подходилъ,
За поводъ лошадь взялъ и живо
Къ сѣдлу онъ жертву прикрѣпилъ,
Два раза свистнулъ—и ватага
Уже сидѣла вся верхомъ,
Чрезъ мигъ неслася вдоль оврага,
Чрезъ мигъ была ужь за селомъ.

XVII.

Здѣсь ставлю точку. Вѣкъ минувшій
Отъ насъ далекъ, и намъ легко,
Мы сознаемъ, что въ вѣкъ текущій
Самоуправство далеко.
Такъ все, что прожито народомъ,
То съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ годомъ
Кончаетъ жизненный процессъ,
И измѣняетъ все прогрессъ.
Но мы, гордясь своимъ ученьемъ,
Наукой, мягкостью идей,
Къ чему гордиться просвѣщеньемъ
Мы учимъ тоже и дѣтей?

И умъ того не сознаетъ,
Что можетъ быть, и наши нравы
Не удостòитъ доброй славы
Вновь народившійся народъ·

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

I.

Еще заря не проглянула
На темномъ небѣ, а луна
Межъ черныхъ тучь на мигъ мелькнула,
И въ тучи спряталась она;
И стражъ деревни, полусонно
Еще пѣтухъ не прокричалъ
Въ урочный часъ, лишь вѣтръ свисталъ,
И дождикъ билъ неугомонно—
А смѣлый Левка прилетѣлъ
Давно съ добычей въ за́мокъ князя,
На немъ не мало видно грязи,

И бѣдный конь его вспотѣлъ.
Вотъ въ залѣ темной и старинной,
Гдѣ въ тусклыхъ рамахъ на стѣнахъ
Висятъ портреты цѣпью длинной
Въ пудреныхъ, взбитыхъ парикахъ,—
Въ той залѣ Вольская сидѣла,
И безсознательно глядѣла
Вокругъ, не могши дать отчетъ
О томъ, что въ замкѣ ея ждетъ.

II.

Когда жъ прошелъ часъ длинной муки,
Тогда съ сознаніемъ она
Вмигъ оглянулась, сжала руки,
Какъ снѣгъ вдругъ сдѣлалась блѣдна.
«Гдѣ я?—промолвила Евгенья,

И для какого назначенья
Я въ эту залу, среди сна
Была тайкомъ увезена?
Кто приказалъ? Кто смѣлъ? Что станетъ
Со мной? И буду-ль дома я,
Пока день новый не настанетъ,
Пока невидѣли меня?»
А между тѣмъ, она прекрасна.
Была въ тотъ мигъ; ея коса
Спустилась съ плечь, и груди страстно
Слегка прикрыли волоса.
Она почти нага. Отличье
Мнѣ только видится въ одномъ,
Что Левка, будто, изъ приличья
Ее прикрылъ большимъ платкомъ.
Ее глаза огнемъ блистали

*

Негодованія, уста
Слова о мщеніи шептали,
Она была—вся красота.

III.

И долго такъ она сидѣла
Въ пустынней залѣ. Въ залѣ той
Предъ ней свѣча одна горѣла,
И свѣтъ отъ свѣчки восковой
Былъ тусклъ и блѣденъ; мрачно въ залѣ,
И предъ княгинею быстрѣй,
Какъ будто, призраки вставали
Съ картинъ висѣвшихъ передъ ней.
Но вотъ, вдали раздался глухо
Шаговъ тяжелыхъ князя звукъ,
Онъ шелъ; изъ бархата сюртукъ

На немъ надѣтъ. И гордо, сухо
Княгинѣ отдалъ онъ поклонъ,
Но не былъ Вольскою смущенъ.
За то несчастная Евгенья
Глядѣла смутно на него,
И въ эти грустныя мгновенья
Понять стремилася его.

IV.

Князь не былъ старъ, и не былъ молодъ,
Лица́-же рѣзкія черты
Въ себѣ носили ранній холодъ,
И признакъ прежней красоты.
На головѣ курчавый волосъ,
Орлиный носъ, огонь въ глазахъ,
И сильный, рѣзкій, звучный голосъ,

И повелительность въ рѣчахъ—
Все князю то принадлежало
Отъ самыхъ отроческихъ дней,
А при развитьи, и позднѣй
Его характерностью стало.
И вотъ предъ Вольской онъ стоитъ,
Сперва молчавъ, любуясь ею,
Потомъ, какъ-бы, найдя идею
Онъ рѣчь такую говоритъ:
—Княгиня Вольская, предъ Вами
Стоитъ князь Нàрманскій; давно
Его любимыми мечтами
Знакомство съ Вами было. Но
Вамъ нехотѣлось его видѣть,
Вы много слышали о немъ:
Его, конечно, ненавидѣть

Себѣ нашли причину въ томъ.
—Довольно! Вольская вскричала,
Я Васъ и слышать ни хочу;
Но передъ Вами не смолчу,
Хоть видѣть Васъ и нежелала.
Я поняла, довольно, Вы,
Къ поступкамъ дерзкимъ, страшнымъ смѣлымъ,
И въ оправданіе молвы,
Какъ о злодѣи закоснѣлымъ,—
Еще къ несчастью брались
Поступокъ гнусный вновь прибавить:
Похитить женщину взялись,
И ей потѣшить, позабавить
Свою натуру поклялись.
Княгиня смолкла на мгновенье,

А князь предъ нею все стоялъ,
Но взглядъ его уже блисталъ,
И близко было раздраженье.
—Княгиня, глухо шепчетъ онъ,
Другой на мѣстѣ бы моемъ
Отъ рѣчи Вашей благородной
Тотчасъ-бы сдѣлалъ Васъ свободной,
Но я къ несчастью не такой,
И чѣмъ въ Васъ больше раздраженья,
Во мнѣ тѣмъ больше увлеченья,
И ближе часъ Вашъ роковой.»

VI.

И князь взялъ кресло, и бездушно
На противъ Вольской сѣлъ. Она
Хотя на видъ и равнодушна,

Но сердцемъ сильно смущена.
Евгенья ясно понимала,
Что дѣло съ извергомъ такимъ
Она, навѣрно, проиграла,
Что дерзкій онъ—не умолимъ.
И вотъ послѣднѣе усилье
Она рѣшилась показать,
А нехотѣла унижать
Себя въ податливомъ безсилье.
—Но знали-ль вы, она сказала,
Вѣдь Вы рискуете собой,
Меня сама Царица знала,
И ужъ, конечно, въ часъ такой
Она спасти меня готова;
Что участь здѣсь моя сурова,
То завтра всѣ ужъ будутъ знать,
И прійдутъ всѣ меня спасать.

—Увы, Князь молвилъ, здѣсь владыка
Лишь я одинъ, и люди мнѣ,
Съ своей энергіею дикой,
Всѣ слѣпо преданы вполнѣ.
И вѣрьте мнѣ: ни крикъ, ни звуки,
Ни сердца горестныя муки
Отсюда къ свѣту не дойдутъ,
Ихъ сами стѣны стерегутъ.
—Что слышу? Вольская прервала,
Но дьяволъ ты, иль человѣкъ?
Какая мать тебя раждала,
Увы, безъ трепета въ нашъ вѣкъ?
И уже бѣдная Евгенья,
Намучась сердцемъ, въ утомленьи
Упала въ кресло, и была
Съ полуоткрыми плечами,

Въ глазахъ съ застывшими слезами
Такъ симпатична, такъ мила,
Что князь поникъ предъ ней очами;
Потомъ онъ съ кресла живо всталъ
И съ увлеченіемъ сказалъ:

VII.

—О успокойтесь, вѣрьте, я
Васъ не хотѣлъ ни чѣмъ обидѣть,
И ежель Васъ похитилъ я,
То для того, чтобъ только видѣть.
Княгиня, въ тотъ несчастный мигъ,
Какъ я Васъ видѣлъ на охотѣ,
Къ несчастью ясно я постигъ
Въ своемъ страданьи и заботѣ,
Что Васъ на вѣки полюбилъ;

Съ тѣхъ поръ я Вами только жилъ,
Вы были мнѣ судьбой, мечтами,
И вотъ тогда знакомства съ Вами
Искать упорно я рѣшилъ.
Но Вы, сурово и съ презрѣньемъ,
Увы, отвергнули меня,
И оскорбленный, съ озлобленьемъ
Замыслилъ Васъ похитить я.
Мой планъ удался. Въ моей власти,
Княгиня, Вы теперь; но мнѣ,
Я не хочу, чтобы во снѣ,
Иль въ незаконной, гнусной страсти
Принадлежали Вы; нѣтъ я,
Вполнѣ понявши вашу муку,
Вамъ предлагаю только руку.
Согласны Вы? Такъ брошу я

Пиры, разгулье и забавы,
Къ инымъ предметамъ обращусь,
Я въ жизни лучшимъ окажусь,
Искать я буду доброй славы.
Тутъ голосъ князя задрожалъ,
Лицо его преобразилось,
Онъ лучше, онъ добрѣе сталъ,
Иная жизнь надъ нимъ носилась
Полна идеи и добра,
То свѣтлой юности пора!

VIII.

И вотъ приходитъ къ намъ мгновенье,
Когда поэма-бы могла
Окончить бурное теченье,
И насъ впередъ-бы не звала.

И наша гордая княгиня
Могла бы Нарманскою быть,
Дѣтей хорошенькихъ родить
И не была-бъ ужъ героиня.
За то, быть можетъ, жизнь у ней
Сложилась иначе, яснѣе,
И князь ужъ не былъ бы злодѣй,
И жизнь его текла-бъ скромнѣе.
Но сердце женщины темно,
Оно порой, хоть любитъ нѣжно,
За то, когда оскорблено,
Неумолимо и мятежно.
Что правда это, такъ, когда
Князь кончилъ страстное признанье,
Забыла, будто, всѣ страданья
Моя Евгенія тогда.

И встала вдругъ, и гордымъ взглядомъ
Отъ ногъ до самой головы,
Измѣривъ князя, ему съ ядомъ
Она сказала:—извергъ Вы,
Я ненавижу, презираю,
Тебя мучитель и клянусь,
Тебѣ я, вѣрь, неотдаюсь,
Хотя любви сама желаю!
—Умолкни, Нарманскій прервалъ,
Довольно слышалъ я ужъ много,
Но что добра тебѣ желалъ,
Зову свидѣтелемъ въ томъ Бога.
Теперь—все кончено, и ты
Не жди себѣ ужъ снисхожденья,
Но знай, что лучшія мечты,
И сердца высшія стремленья

Ты погребла въ душѣ моей,
Одной холодностью своей.
Тутъ князь умолкъ. Въ глубокомъ горѣ
Онъ предъ портретомъ сталъ однимъ
Печаленъ, страшенъ, недвижимъ,
Съ мечтой обманутой во взорѣ.
Изъ рамы-жъ мрачно на него
Смотрѣлъ прапрадѣдъ посѣдѣлый,
Его рука, взглядъ онѣмѣлый,
Уста застывшія его,
Какъ будто князю говорили:
Остановись въ недобрый часъ,
И посильнѣй тебя мы были,
Да память чистая по насъ.

IX.

Одна осталася Евгенья,
Что было на́ сердцѣ у ней?
Одни-ли только оскорбленья,
Иль мысль объ участи своей?
Рѣшить то трудно. Есть мгновенья
Необъяснимыя для насъ,
Они томятъ и мучатъ васъ
Безъ упованья, безъ спасенья.
Сидитъ княгиня, взглядъ у ней
Какъ-бы потухъ, и жизнь иная
Ужъ неявляется предъ ней
Своею прелестью блистая.
«Довольно, думаетъ она,
Ужъ если чести нѣтъ спасенья,

Такъ грудь за то моя полна
Великой злобы и презрѣнья.
Я растопчу его любовь,
И онъ, несчастный, въ сердце вновь
Ужъ не найдетъ покойной совѣсть;
Я гибну, но во тьмѣ ночей
О ранней гибели моей
Читать князь будетъ вѣчно повѣсть.
Такъ я погибну, близокъ часъ...
Но по какому праву все-же,
Мой правосудный, сильный Боже,
Лишусь я жизни; и мой гласъ,
Мои страданья, слезы нынѣ,
И даже мой предсмертный крикъ,
Ужели будутъ въ страшный мигъ
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ?....

Негодный варваръ! Смѣть схватить
Княгиню Вольскую въ имѣньи,
И падать сердцемъ въ увлеченьи
И до того, чтобъ все губить.—
О, это слишкомъ! Варваръ дикій,
Онъ образованнѣй другихъ,
А преступленьями великій,
Онъ сердцемъ ниже слугъ своихъ.
Ему, какъ будто, нѣтъ закона,
Предъ нимъ все гнется, всѣ молчатъ,
И вопли жертвъ недолетятъ
До Императорскаго трона....
Такъ дальше слабость. Здѣсь борьба
Мнѣ предстоитъ, увы, большая,
Близка минута роковая,
Жестока ты моя судьба!»

*

Евгенья смолкнула и руки
Сложила бѣдная крестомъ,
Ни вопли ропота, ни муки
Уже не слышались потомъ.

X.

А между тѣмъ давно свѣтало,
Пѣтухъ три раза прокричалъ,
Ужъ баба избу затопляла,
Крестьянинъ-труженикъ вставалъ.
Шуранъ все больше оживлялся,
Пастухъ со стадомъ показался,
И вотъ на Камѣ рыбаки
Кой гдѣ взялись за челноки.
Яснѣетъ небо. Быстро мчатся
По волѣ вѣтра облака,

На мѣсто ихъ, издалека
Готово солнце показаться.
Морозитъ въ воздухѣ; земля,
Дорога смерзлая избита,
И лошадиныя копыта
По ней стучатъ, себѣ скользя.
Любилъ встрѣчать я на дорогѣ,
Такого утра первый часъ,
Когда обдастъ морозомъ васъ,
И вы проснувшися въ тревогѣ,
Припрятавъ уши въ воротникъ,
Глядите вкругъ себя сонные;
Предъ вами лѣсъ мелькаетъ вмигъ,
Дороги узкія, кривыя,
Столбы поверстные, мосты,
Овраги, села и равнины.....

Но дальше свѣтлыя картины,
Зовутъ иныя насъ мечты.

XI.

Князь Нàрманскій то утро встрѣтилъ,
Не раздѣваясь въ сюртукѣ,
И посторонній бы замѣтилъ
Платокъ въ одной его рукѣ.
Что дѣлалъ князь? Въ душѣ что было?
Увы, что дорого, что мило,
Что въ жизни онъ одно любилъ,
То все въ ту ночь онъ хоронилъ.
И слезъ его никто не видѣлъ,
Когда жъ онъ плакать пересталъ,
Любилъ онъ или не навидѣлъ? —
Но такъ въ раздумьи разсуждалъ:

«Да я любилъ.... люблю, быть можетъ....
Нѣтъ, вздоръ, я больше не люблю....
Но, сердце что-же мое гложетъ,
Чей образъ я во тьмѣ ловлю?
О всё её!..... моя Евгенья,
Ты ангелъ, рай души моей,
Миришъ ты пылъ моихъ страстей,
И ширишъ свѣтлыя стремленья.
Въ тебѣ люблю я умъ и честь,
И то, что прочимъ непонятно,
То для души твоей объятно,
И все тебѣ родное есть.
Я тоже гордою природой
Съ умомъ восторженнымъ рожденъ,
Но воспитаньемъ и свободой
Немного, правда, искривленъ.

Но я тебя-жъ все понимаю,
Люблю .... Люблю тебя за то.....
Но ты отвѣтила мнѣ что?
О, Боже, какъ же я страдаю?
Вѣдь ты, какъ статуя была, ...
Чужда прощенья, состраданья,
Меня ты извергомъ звала,
И прочь гнала мои признанья.
Я Нàрманскій, все то слыхалъ,
Но вырвалъ-бы языкъ съ налета,
Того-бъ въ могилу закопалъ,
Когда-бъ не ты сказала это.
Но ты ..... нѣтъ, я поговорю
Съ тобой въ послѣдній разъ сегодня,
Я гордость сердца покорю,
И воля будь на то Господня,

Что будетъ въ ночь..... но ежель ты
Опять обманешъ, уничтожешъ
Мои послѣднія мечты,
И страсти гнѣвомъ растревожешь?—
Тогда.... не жди пощады ты!»
Но въ этотъ мигъ его прервали,
Дворецкій Левка въ дверь вошелъ,
И такъ сказалъ:—Вы приказали,
Чтобъ утромъ рано я пришелъ.
—Кто? Я?—непомню; гдѣ княгиня?
Спросилъ князь.—Въ красной спальнѣ той,
Вдали на нижней половинѣ,
Гдѣ старый князь лежалъ больной.
Отвѣтилъ Левка.—Что же плачетъ,
Княгиня?

—Нѣтъ, она молчитъ,
И странно мнѣ, что это значитъ,
Она не спитъ и не лежитъ.
—Не спитъ? А ты почемъ то знаешъ?
Ты ей услуги предлагаешъ,
И на меня ей говоришъ?
Зачѣмъ ты ходишъ, а не спишъ?
—Князь, Вы слѣдить мнѣ приказали....
—Молчи, ни кто къ ней не войдетъ,
Её ни кто тамъ не найдетъ,
И если стѣны бы слыхали,
Хоть вздохъ ее́, такъ я бы ихъ
До основанья срылъ самихъ.
Ступай, но ежель разнесутся
На завтра слухи стороной
По всѣй окрестности волной,

Что скрылась Вольская...—Дадутся
Въ обманъ всѣ, Лёвка отвѣчалъ,
Записку въ спальнѣ у княгинѣ,
У васъ, которую я взялъ,
Оставилъ я тамъ на перинѣ.
—Да я забылъ со всѣмъ про то,
Теперь ступай, будь остороженъ.
Дворецкій вышелъ, но зато
Духъ князя все же былъ встревоженъ.
Хотя въ запискѣ онъ писалъ:
«Княгиня, слушая царицу,
Сейчасъ уѣхала въ столицу,
Но чтобъ прикащикъ скоро ждалъ
Её возврата»... между тѣмъ
Пойдутъ всежъ разсказни съ догадкой,

Да человѣкъ не такъ, и нѣмъ,
Чтобъ неузнать кой что украдкой.

XII

Раставшись съ Левкой, князь ходилъ
По кабинету изнуренный,
То ногти грызъ онъ, то курилъ
Въ досадѣ, съ мыслью озлобленной.
Но, наконецъ, и онъ заснулъ.
И вотъ со всѣмъ хоть разсвѣтало,
Но лучь дневной не заглянулъ
Туда, гдѣ сномъ еще всѣ спало.
Князь спалъ, хотя уже давно
Все въ замкѣ жизнью встрепенулось,
И солнце на небѣ равно
Уже на полдень повернулось.

И жизнь обычной чередой
У мужика въ селѣ кипѣла,
Шла баба къ Камѣ заводой,
Старушка близь избы сидѣла.
Толпы мальчишекъ собрались
Между крестьянскими домами,
Играли, бѣгали, дрались,
Мѣшались пестрыми толпами.
А тамъ у выѣзда села
Виднѣлись длинные обозы,
Свинья чесалась у угла,
Сидѣлъ прохожій у березы,
Грачи съ вѣтвей ея глядятъ...
А князь все спалъ. Тамъ чувствъ волненья,
Наплывъ идей, боль ощущенья
Насъ долго въ грустный часъ томятъ,

И сонъ отъ насъ упорно гонятъ,
Но до тѣхъ поръ, пока и ихъ
Натура тоже не прогонитъ,
И не предъявитъ правъ своихъ.

XIII.

И наша бѣдная Евгенья
Уснула тоже на зарѣ,
Но ей не снились сновидѣнья,
Какъ въ прежней дѣвственной порѣ.
Её кошмаръ давилъ собою,
И среди тягостнаго сна
Не разъ тревожилась она,
Шептала что то съ быстротою.
А спальня, гдѣ она спала,
Обита краснымъ вся была,

И кресла съ времени отмѣткой
Стояли чинно по стѣнамъ,
Окно съ желѣзною рѣшеткой,
Комоды, шкафы по угламъ.
А подъ окномъ катились волны
Рѣки большой; ихъ ропотъ, шумъ
Какихъ-то мыслей тайныхъ полны,
Но кто поймет смыслъ этихъ думъ?...
На берегу рѣки великой
Я самъ рожденъ былъ, я любилъ
Глядѣть на берегъ ея дикій,
Я говоръ волнъ ея ловилъ.
И въ то прекрасное мгновенье
Мнѣ понималось, что въ волнахъ
Есть тоже вѣчное движенье,
Какъ въ человѣческихъ душахъ.

XIV.

Евгенья Вольская проснулась,
Когда таинственная ночь
Въ свой черный саванъ завернулась,
И въ вѣчность день угнала прочь.
Она въ окошко посмотрѣла,
Предъ ней все та-жъ рѣка текла,
На небѣ звѣздочка блестѣла,
Но далека она была.
Все было тихо. Берегъ дальній
Чуть виденъ былъ въ туманной мглѣ,
И въ его чудномъ далекѣ
Она съ улыбкою печальной
Ловила нѣчто. Пѣсни звукъ
Къ ней чей-то слабо доносился,

И голосъ жизни, голосъ мукъ
Въ ней съ новой силою забился.
«Чего онъ хочетъ отъ меня?
Она въ раздуміи шептала,
Ему я все уже сказала,
Что только чувствовала я.
Неизмѣню я сердцу болѣ,
Страданья тяжко мнѣ сносить,
Но лучше все-жъ не жить на волѣ,
Чѣмъ вѣкъ женой—рабою быть
Я къ смерти тягостной готова ...
Я помню въ жизни одинъ мигъ,
Мать не была моя сурова,
Но деспотъ былъ отецъ старикъ.
Ребенкомъ я была въ то время,
Не знала я ни жизни бремя,

Ни зла людскаго, ни добра,
Была святая та пора.
Отецъ хотѣлъ, чтобъ я любила
Его любовницу, чтобъ я
За ней, какъ дочь ея ходила,
А чтобы мать забыла я.
Хоть мать моя была простая,
Необразованная мать,
Но чувствомъ дѣтскимъ понимая,
Что и она должна страдать—
Вхожу однажды утромъ рано
Къ отцу и вижу, съ нимъ сидитъ
Его наперстница Татьяна,
Про мать сурово говоритъ.
Я на нее не посмотрѣла,
Но поздоровалась съ отцомъ,

За то съ озлобленнымъ лицемъ
Она въ глаза мои глядѣла.
—Евгенья, вдругъ вскричалъ отецъ,
Всему-же долженъ быть конецъ,
Я приказалъ, чтобъ цѣловала
Ты руку Тани.
—Никогда,
Я громко, гордо отвѣчала,
Она крестьянка!... но тогда,
Какъ снопъ я на полъ вмигъ упала,
Отецъ пощечину мнѣ далъ:
Она мнѣ чувства заковала,
Отца я больше не видала,
Но плакалъ онъ, какъ умиралъ.
Да, мысль закончила Евгенья,
О дняхъ страдальческихъ своихъ,

*

Да были грустныя мгновенья,
И вотъ еще одно изъ нихъ.

XV.

И вновь она къ окну подходитъ,
На волны съ горестью глядитъ,
А въ корридорѣ кто то ходитъ,
Ужѐ близъ спальни говоритъ.
И вотъ лишь узница взглянула
На дверь тюрьмы своей, въ замкѣ
Ключъ щелкнулъ, и съ свѣчой въ рукѣ,
Какъ привидѣніе скользнула
Фигура Нарманскаго. Онъ
Былъ блѣденъ, грустенъ, утомленъ;
Свѣчу на столикъ онъ поставилъ
И такъ Евгеніи сказалъ:

—Простите, что Васъ здѣсь оставилъ,
И Васъ немного попугалъ;
Я виноватъ, я смѣло слишкомъ
И дерзко съ Вами поступилъ,
Но Вашъ языкъ мнѣ отомстилъ
И даже, можетъ быть, съ излишкомъ,
Я забываю все. Опять
Хочу бесѣдовать я съ Вами,
И Васъ прошу мнѣ отвѣчать
Не слишкомъ жесткими словами.
Княгиня, я Вамъ повторю,
Я Васъ одну любилъ, люблю,
Одни Вы можете со мною
Всё дѣлать; вѣрьте, я готовъ
Съ моею бурною душою
Для васъ покинуть этотъ кровъ.

Княгиня, я люблю не даромъ,
Я понимаю, вы умны,
Что вы души моей пожаромъ
Не въ силѣ быть увлечены;
Что вы меня собой спасете,
Дадите жизнь иную мнѣ....
—Довольно, знаю всё вполнѣ,
И то, къ чему вы рѣчь ведете,
Прервала Вольская, но я,
Что Вамъ и прежде говорила,
То повторю еще разъ я.
Васъ не видавши, я Васъ знала,
Я Васъ глубоко презирала
За то, что Вы хотя умны
И образованнымъ слывете,
Но жизнь постыдную ведете,

Разврату сердцемъ отданы
Стыдитесь, Вы въ любви клянетесь,
Да развѣ это есть любовь,
Что вы, какъ конь безумный, рветесь,
Что въ васъ бушуетъ только кровь?...
Нѣтъ, Вы не любите, и вѣрно
Вы неспособны полюбить,
Но мучить всѣхъ, тираномъ быть
Вездѣ вы можете примѣрно.
Ступайте жъ, я Васъ не боюсь,
За то глубоко презираю;
Убить меня, Вы въ силахъ знаю...
— О, нѣтъ, на то я не рѣшусь,
Воскликнулъ На́рманскій, простите,
Но я люблю Васъ, въ томъ клянусь,
И Вы меня не отгоните

Отъ ногъ своихъ.... ни передъ кѣмъ
Я не сгибалъ колѣнъ и шеи,
Но передъ Вами тихъ и нѣмъ
Я становлюсь и сердцемъ млѣю.
И въ увлеченіи своемъ
Предъ Вольской Нарманскій склонился,
Руками вкругъ ея обвился,
Прижался жаркимъ къ ней лицомъ.
И тщетно жертва вырывалась,
Князь руки, грудь ей цѣловалъ....
Но вотъ пощечина раздалась,
И кто-то вслѣдъ за тѣмъ вскричалъ.
Князь быстро на ноги поднялся,
Онъ весь отъ гнѣва задыхался;
—Довольно, онъ за тѣмъ сказалъ,
Испилъ сполна я униженье,

И вотъ, мнѣ нужно только мщенье,
Молись, твой часъ теперь насталъ!
И съ воспаленными глазами,
И съ бѣлой пѣною у рта
Князь страшенъ былъ, его уста
Гремѣли адскими словами.
—Ей! Лёвка! Хамъ! людей, скорѣй!
Кричалъ онъ; двери растворились
И передъ Вольскою моей
Гайдукъ, дворецкій появились.
Они стояли, взглядъ ихъ нѣмъ,
Короткополыя кафтанья
На нихъ надѣты, и ни чѣмъ
Ихъ не возбудишъ состраданья.
—Ей хамы, князь имъ повторилъ,
Мой прадѣдъ въ комнатѣ здѣсь жилъ,

Въ ней умеръ онъ. Въ покоѣ спальномъ
Мы и княгиню погребемъ;
Она забудетъ обовсемъ
На этомъ креслѣ погребальномъ.
Сей часъ-же. Левка, её взять,
Цѣпями ноги ей сковать,
И къ креслу, что къ окошку ближе,
Её на вѣчно приковать.
Исполнить все, сей часъ иди же...
Не возражая на словахъ,
Дворецкій князю поклонился,
Изъ спальни вышелъ, и явился
Чрезъ мигъ съ цѣпями онъ въ рукахъ.
И вотъ, несчастную Евгенью
Схватили слуги, и она
Хоть бы какому возраженью

Уста открыла. Нѣтъ, блѣдна,
Съ небрежно взбитыми кудрями,
Тиха, прекрасна, холодна,
И съ обнаженными плечами,
Въ одной рубашкѣ—въ одинъ мигъ
Она прикованной сидѣла,
Слеза въ глазахъ ея блестѣла,
Уже застывши. Хоть бы крикъ,
Или моленье о пощадѣ
Судья услышалъ; нѣтъ, на вѣкъ
Она замолкла, и въ досадѣ
Ей непростилъ то человѣкъ...
И такъ Евгенія замолкла,
Она ужéли умерла?
Да, холодна она была
И ужъ навѣкъ совсѣмъ умолкла.

Къ ней Князь тихонько подошелъ,
Взглянулъ въ лице, пощупалъ руки,
И крупный потъ съ него пошелъ,
Какія-жъ чувствовалъ онъ муки?—
Къ чему разсказывать о томъ....
Стояли слуги въ изумленьи,
Да Камы вѣчное движенье
Гудѣло глухо подъ окномъ...

ЭПИЛОГЪ.

Прошли десятки лѣтъ съ тѣхъ поръ,
Какъ минулъ вѣкъ Екатерины,
Другаго времени напоръ,
Даетъ иныя намъ картины.
Смягчился нашъ суровый нравъ,
И сталъ свободенъ поселянинъ,
И не бушуетъ русскій баринъ
Въ сознаньи скромныхъ своихъ правъ.
И берегъ Камы, прежде дикій,
Гдѣ былъ разбойнику притонъ,
Теперь есть дѣятель великій,

Онъ пароходствомъ оживленъ.
И на горѣ его огромной
Хоть до сихъ поръ Шуранъ стоитъ,
Но среди жизни новой, скромной
Онъ о быломъ лишь говоритъ.
Стоятъ печально его стѣны,
И старый храмъ безъ перемѣны,
Но въ разрушеніи они
Переживаютъ наши дни.
И замокъ пустъ. По смерти Вольской,
Какъ гласъ народа сохранилъ,
Князь путь оставилъ жизни скользкой
И за границу укатилъ.
Какъ умеръ онъ? страна какая
Пригрѣла Нарманскаго?—то,
Какъ будто тайна роковая,

И не узналъ её никто.
А между тѣмъ, его наслѣдникъ,
Увы, порядочный бездѣльникъ,
Хотѣлъ тотъ замокъ изломать,
И гдѣ онъ грозно возвышался,
Владѣлецъ мыслью утѣшался:
Тутъ будетъ новый домъ стоять.
Но мысль та дерзкая осталась
Такъ неисполненной. Когда
Часть замка нижняя ломалась,
То отыскалась вдругъ тогда
На глухо комната забита.
И вотъ она была разрыта,
И антикварій закричалъ.
Предъ нимъ прикованной сидѣла
Фигура женская. Истлѣла

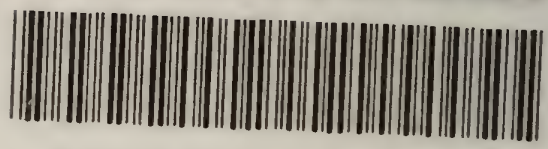
Она ужь вся. И вѣтръ игралъ
Ея большими волосами,
Да ржавый звукъ цѣпей звучалъ
Къ нимъ съ прикрѣпленными костями.
Наслѣдникъ Нарманскаго такъ
Былъ перепуганъ при открытьи
Костей нежданыхъ, что въ забытьи
Покинулъ замокъ. И простакъ,
Уже въ него не возвращался,
Съ тѣхъ поръ пустыннымъ оставался
Шуранъ. И вотъ до сей поры,
Какъ вѣка дѣятель минувшій,
Глядитъ онъ пасмурно съ горы
На новый вѣкъ, предъ нимъ идущій.

W 17

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.—Oct. 1987
We're Quality Bound

LIBRARY OF CONGRESS



00024145827